

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кудрявцева Р.А. — Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма // Litera. – 2023. – № 5.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40879 EDN: PIAAYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40879

Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный
университет

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40879

EDN:

PIAAYU

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2023

Дата публикации:

01-06-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтики современного марийского романа в аспекте поэтики психологизма. Цель данной работы – выявить основные приемы психологизма и их художественные функции в романе В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе». Материалом исследования послужил текст романа В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе», а также исследования о нем в современной марийской литературной науке. Методологию исследования определяет структурно-семантический анализ произведения, который позволил выявить и подробно описать концептуально-смысловые и типологические составляющие психологического уровня данного романного текста. В статье доказано, что психологизм в романе марийского писателя проявляется себя на сюжетном (внутренний сюжет) и персонажном (приемы внутренней характеристики персонажей) уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений (несобственно-прямая речь). Среди средств психологической характеристики персонажа в романе Бердинского доминирующую роль играет психологическая деталь (внешняя в роли психологической и собственно психологическая). Делается вывод о том, что психологизм является стилевой доминантой романа В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе» и играет важную роль в

формировании авторской художественной концепции.

Ключевые слова:

марийская литература, роман, поэтика, Валерий Бердинский, художественный психологизм, внутренний сюжет, приемы психологизма, внутренний монолог, несобственно-прямая речь, художественная деталь

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388 «Марийский роман: история и поэтика».

ВВЕДЕНИЕ

Валерий Николаевич Бердинский (род. в 1950 г.) – современный марийский прозаик, вошедший в региональный литературный процесс в перестроечную эпоху с актуальной для неё социокультурной проблематикой, связанной с изучением состояния провинциального общества в условиях социально-экономического, культурного и нравственно-психологического сдвига.

Опубликованные им книги на марийском языке [4; 5; 6; 7; 8] и в переводе на русский язык [1; 2; 3] неизменно подчеркивали природную склонность Бердинского как писателя к короткой прозе, а именно, к рассказам. Единственное исключение в его творчестве в жанровом плане – это роман «Тый – мылам, мый – тылат» («Ты – мне, я – тебе») [9]. Несмотря на различия, связанные с поэтикой романного жанра (широкие социальные связи персонажа с окружающим его миром, неоднородность проблематики и повествовательной структуры, многогранность сюжета, многогеройность и др.), данное произведение органично вписывается как в общую концепцию его творчества (человек в условиях социальных перемен), так и в социально-нравственную проблематику переходной (перестроечной) эпохи. Роман «Ты – мне, я – тебе» – о рыночной экономике в сфере обслуживания переходного периода, с которой связывает автора более чем пятидесятилетний профессиональный опыт, нашедший безусловное отражение в произведении (после окончания в 1969 году Чебоксарского кооперативного техникума Бердинский приехал в родной Сернур, работал сначала товароведом на торговой базе Сернурского райпотребсоюза, с 1994 года председателем Сернурского районного потребительского общества, в настоящее время является председателем совета потребительского кооператива «Сернурское районное потребительское общество»).

В романе Бердинского, как и в его рассказах, отмечена его склонность как художника к острым и сложным темам, сюжетам (событийным и внутренним) и героям, к глубокому социально-психологическому анализу изображаемой действительности. Ею во многом и объясняются интерес писателя к психологическому повествованию и многообразие форм и приемов психологизма, использование которых, к примеру, позволяет автору «сосредоточить внимание как на свойствах личности, особенностях психического склада героя, так и на его сиюминутном эмоциональном (душевном) состоянии и идеино-нравственных исследованиях» [13, с. 269]. Однако поэтика психологизма в романе «Ты – мне, я – тебе» еще не становилась предметом специального изучения. Роман Бердинского «Ты – мне, я – тебе» аналитически изучен в настоящее время только в аспекте тематики, проблематики и персонажной системы [15; 16]; также имеются рассуждения самого писателя об идейном замысле произведения в его интервью [19]. Поэтика психологизма

Бердинского изучалась лишь в разрезе его рассказов [См.: 12, с. 101–107; 13, с. 215–280]. Что касается поэтики психологизма в марийской литературе, в целом, то в филологической науке она системно изучалась пока только применительно к жанрам повести [17] и рассказа [12; 13; 14].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Психологизм в романе Бердинского «Ты – мне, я – тебе» проявляется себя на сюжетном (внутренний сюжет) и персонажном (приемы внутренней характеристики персонажей) уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений (несобственно-прямая речь персонажа, художественная деталь в психологической функции).

Определяя место произведения Бердинского в современной романистике и резюмируя аналитическое рассмотрение персонажей романа, В. Т. Михайлов отмечает следующее: «...писателю в целом удалось передать динамику событий, показать отдельные образы в развитии и через призму их сознания и перипетии судьбы охарактеризовать сложившуюся ситуацию в общественной жизни страны в период перестройки» [15, с. 220]. Соглашаясь с исследователем, заметим, что развитие этих «отдельных образов» (мы имеем в виду, в первую очередь, образ председателя Тичмарского райпо Петра Кузьмича Ямбулатова) дано не только в событийном, но и в психологическом ключе; кроме того, по своей «внешней» и «внутренней» биографии персонаж заметно приближен к биографическому автору, а рефлексии персонажа сродни нравственным и мировоззренческим установкам самого автора, вся трудовая деятельность которого связана с районным потребительским кооперативом.

Во внутреннем сюжете (в художественном развертывании мыслей и чувств персонажа, в передаче внутренней конфликтности) значительное место отводится **внутреннему монологу** персонажа, который А. П. Скафтымовым определяется как «монологические размышления персонажей» [18, с. 305], позволяющие «приблизиться к наибольшей иллюзии живого процесса эмоционально-мыслительного акта как сложного клубка сталкивающихся мыслей, чувств и разнообразных побуждений» [18, с. 306]. А в контексте средств выражения авторской позиции максимально важное значение приобретает еще и **несобственно-прямая речь** персонажа «как форма сближения перспективы (точки зрения) повествователя и героя» [см.: 13, с. 269].

В результате внутренняя сюжетная линия, связанная с главным персонажем Ямбулатовым, становится одной из важнейших сюжетообразующих линий романа, выражающих идею произведения, которую В. Т. Михайлов справедливо определяет так: «Романын түң шонымашы же – илысын кеч-могай йыжылышты- жат чын айдеме лийын кодаш тыршымаш. Автор шижтарын же: окса оғыл, а шўм-чон яндарлық – айдемын эн күгу поянлыкше. Воктен улшо йолташым окса мешакше дене оғыл, а ушыж да чон яндарлыкше дене аклыман. Чын йолташ келшымаште нигунамат пайдам огеш кычал» [15, с. 221–222] (Основная мысль романа – необходимость оставаться человеком в любой жизненной ситуации. Автор хочет сказать: самое большое богатство человека не деньги, а чистота души. Окружающих людей надо оценивать не по их богатству (букв. мешку денег. – Р. К.), а по их уму и красоте души. Настоящий друг никогда не ищет в дружбе выгоду).

Рассмотрим движение психологического сюжета (центральной сюжетной линии романа) – внутреннее развитие образа Ямбулатова – с выделением ключевых внутренних

монологов и несобственно-прямой речи персонажа для обобщения сути внутреннего конфликта в нем и уточнения авторской концепции образа и романа, в целом.

Особенность поэтики психологизма Бердинского – это прослеживаемое на всем протяжении психологического повествования, в том числе связанного с внутренней динамикой главного персонажа, чередование сиюминутных и ретроспективных отрезков текста, сочетание (переплетение) в них внутренних монологов и несобственно-прямой речи персонажа.

Сочетание указанных приемов прямого психологического изображения отмечено уже в начале второй главы – в сцене размышлений Ямбулатова, только что приступившего к своей новой должности (отъехав от конторы, он едет в машине по своим делам): *Чынак, идалык пытымеш пел тылзе утларак веле кодын, а райпо ик верыште тошкыштеш. Т□□ показатель – товарооборот план – ок темалт. Латик тылзе жапыште аракам ужалыме деч посна ятырлан почеш кодмо. Декабрят нимогай □шаным ок пу.< ... >* «Күзе ворандарашиже?» – машинаште шинчышыкла шона Пётр Кузьмич, омсаште почылтшо янда гыч й□шт□ пурымымат ок шиж. Теве кызыт гаражыште лие – ончычсо семына нимогай вاشталтыш уке. Тे□гече адак кок машина шогалын. Тошто улыт, пудыргат. Адакше бензин уке нерген ушештарышт. Идалыклан ойырымо фонд пытен. Респотребсоюзын ойырымыжо. А нефтебазе деч утыжым от нал – нимогай амал денат огыт пу. Тыгеже кок кече гыч чыла машина шогал кертеш. «Ушет кая тиде пашаште, – шона председатель, – йодыш почеш йодыш». <...> Райпо председатель але самырык. Эше кумло ийымат темен огыл, адакше потребкоопераций паша тудлан у, палыздыме. Тышке логалаш нигунамат шонен огыл ыле, манмыла, омешышкат ыш кончо, а чылажат тыге савырнен шинче [9, с. 22. Далее в статье цитируется данное издание, страницы указываются в тексте в квадратных скобках. Перевод цитат на русский язык везде наш. – Р. К.] (Действительно, до конца года осталось чуть больше месяца, а райпо топчется на одном месте. Главный показатель – план товарооборота – не выполняется. В течение одиннадцати месяцев намного отстали, если не считать продажу водки. И декабрь не дает никакой надежды. <...> «Как справиться?» – думал Пётр Кузьмич, сидя в машине, не замечая даже холода, идущего от открытого стекла. Вот сейчас был в гараже – как и прежде, нет никаких изменений. Вчера опять встали две машины. Старые, ломаются. Еще напомнили, что нет бензина. Выделенный на год фонд исчерпан. То, что выделил райпотребсоюз. А от нефтебазы лишнего не взять – не дадут ни по какому поводу. Так через два дня могут остановиться все машины. «С ума сойдешь на этой работе, – думал председатель, – проблема за проблемой». <...> Председатель Райпо еще молодой. Не исполнилось еще тридцати лет, да и работа потребкооперации для него новая, незнакомая. Никогда не думал, что попадёт сюда, как говорят, и во сне не снилось, а вот как всё повернулось-то).

Последовательно сменяющие друг друга в данном фрагменте приемы психологизма (несобственно-прямая речь, внутренний монолог-реплика, снова несобственно-прямая речь, снова короткий внутренний монолог и завершающая часть – несобственно-прямая речь) максимально характеризуют исходную (в сюжете) смысловую составляющую персонажа (ответственность, хозяйствский и критический ум, обеспокоенность за общественное хозяйство, адекватная профессиональная саморефлексия). Далее, в ретроспективной сцене встречи Ямбулатова с партийным руководителем района Шабалиным, доверившим ему руководство районной потребкооперацией, автором мастерски используется прием несобственно-прямой речи персонажа – с явными элементами намеренной стилизации нейтрального повествования под речь персонажа: *Самырык е□ шиже: партий райкомын икымше секретарь же тыгай мутланымашым укелан*

огыл тарватыш. Но молан? Вигак тудо ыш умыло. Титакым ыштымыжла ок чуч. **А также палет мо? Уке,** тыгела огыл. Тыгайлан вашлиймаш вестрл лиеш ыле. А кызыт Иваи Матвеевич шыман, ласкан кутыра. Адакше молгунамсыла тудым ок вашкыкте, ок покто. **Очыни,** мутланымашат кугу лиеш. Теве шомакшым ала-кушеч умбачын т□□але~~Ox~~ и чоя тиде айдеме, Шабалин Иван Матвеевич. **Но вот молан комсомолын пашаж нерген шагал умылкала?** Пеш шуэн гына йодеш. **Теве кызыт шомакым луктеш гын веле? Лукмыйжо... луктын.** Комсомол пашаш толмо нерген ойлас, паша ыштыме нерген. **Ала тудо мыланна, комсомол пашае□-влаклан, т□рыс □шана? Тыгелат чуче[с. 23-24]** (Молодой человек догадался: первый секретарь райкома партии этот разговор не зря затеял. Но зачем? Он понял не сразу. Не чувствуется, что виноват. А вообще, как знать? Нет, не так. Из-за этого встреча была бы другой. А сейчас Иван Матвеевич спокойно, ласково разговаривает. Да и не торопит его, не гонит, как прежде. Наверное, и разговор будет большой. Вот и беседу начал откуда-то издалека. Ох и хитер этот человек, Шабалин Иван Матвеевич. Может, вот сейчас заведет речь? Завести... завёл. Надо же, говорит о приходе на комсомольскую работу, о выполнении этой работы. Может, он нам, комсомольским работникам, полностью доверяет? И такое чувствуется).

Особенности речи персонажа легко распознаются через специальные маркеры [они выделены нами в выше представленном фрагменте оригинального текста жирным курсивом, который будет использован нами и далее при выделении слов и выражений. – Р. А .]: многочисленные вопросы, короткие, незаконченные и «рваные» предложения (*Пеш шуэн гына йодеш*), личные местоимения (*мыланна*), эмоционально-оценочные междометия, слова со значением безоговорочного утверждения (*чынак*), отрицания (*уке*), предположения (*очыни*), вводные слова (*манмыла*). Слово «манмыла» много раз встречается и в прямой речи персонажа, что также подтверждает стилистическое сближение авторской речи и речи персонажа.

В последующих эпизодах психологические приемы воссоздают уже позитивно-авторскую коннотацию в образе персонажа (Ямбулатова), сосредоточенного на конструктивной критике, искренне обеспокоенным положением дел в районе и столь же искренне желающего перемен, верящего в их возможность. Приведем примеры таких эпизодов:

1) знакомство нового председателя райпо с работой пельменной и кафе: «Урем вел пырдыжше п□тынек янда гынат, шинчалан ок перне. Шукерте огыл возен сакыме вывескат пырдыж семынак пурак дene леведалтын, – шоналтен, Пётр Кузьмич к□ртн~~C~~ омсам шупшыльо, пыкше почын се□ыш. – Пружиным луштараш к□леш», – мане шканж~~ф~~с. 27] («Несмотря на то, что уличная стена вся из стекла, в глаза не бросается. Недавно повешенная вывеска, как и стена, покрылась пылью, – подумав так, Пётр Кузьмич дернул железную дверь, еле открыл. – Нужно пружину ослабить», – сказал себе) (внутренний монолог); Ямбулатов шарна: иктаж кок-кум ий ончыч тыште кечывалвел гыч толшо-влак пашам ышташ т□□альыч. Шокышто, газ плита воктен огыл, а буфетыште. Калык чыла пала, <...> вашке й□к шарлыш: общепит директор Битуев ш□жаржым да туды мариижым конден шогалтен. <...> Кафеште тачысе менюат пеш нужна ыле. Директор «Пашае□-влак огыт сите» манын умылтарыш, но вет салатшым, винегретшым ыштен шукташ лиеш ыле. А кокымшо блюдо – ик л□м гына. Мо тиде тыгай? Кечываллан кочкаш толшо калыкше мом манеш? <...> Уке, ыш келше Пётр Кузьмичлан рассольникат, калык манмыла, кем таган гай бифштексат – п□ет чыта гын, чытыже! Тиде шот огыл[с. 28-30] (Ямбулатов помнит: примерно два-три года назад здесь начали работать южане. Не в жаре, у газовой плиты, а в буфете. Народ всё знает, <...> вскоре стало известно: Битуев привел свою сестру и ее мужа. <...> И сегодняшнее меню в кафе оказалось очень скучным... Директор объяснил, что работников не хватает, но ведь можно было успеть

сделать салат, винегрет. А вторые блюда – только одно название. Что это такое? Что скажет народ-то, пришедший на обед? <...> Нет, не понравился Петру Кузьмичу ни рассольник, и бифштекс, похожий, как говорят в народе, на подкову сапога, – если выдержит зуб, пусть терпит! Это не дело) (несобственно-прямая речь);

2) обобщение Ямбулатовым увиденного за день и анализ деятельности прежнего руководителя райпо (в этой сцене традиционный внутренний монолог и несобственно-прямая речь дополняются внутренним монологом «вслух»: «*Озаев дene товарооборот шотышто кызытак мутланыман. Идалыкым сайын пытараш к□леш, – й□кынак мане Пётр Кузьмич, сигаретым ылыжтыш. – Да, план. Чылаштын план. Тудым темыман. А тидлан могай у й□н уло? Товарооборотым палыннак ончыко ш□кал колтышо...*» [с. 31] («Сейчас же нужно поговорить с Озаевым о товарообороте. Год надо хорошо заверить, – вслух произнес Пётр Кузьмич, зажег сигарету. – Да, план. У всех план. Его надо выполнить. А какие новые методы есть для этого? Заметно продвинувший товарооборот...»)).

Постепенно намечающийся и усиливающийся конфликт нового председателя райпо с его идейными и профессиональными оппонентами (Озаевым и его мировоззренческими сторонниками) мобилизирует внутреннюю художественную стратегию личностного развития образа и делает явным авторское мастерство в области психологического повествования; при этом максимально актуализируются вышеназванные приемы прямой формы психологического изображения. Так, из переживаний и развернутых размышлений Ямбулатова, из его многочисленных внутренних монологов и несобственно-прямой речи, буквально опутывающих внешнюю коллизию романа (прежнее и новое мышление народа, руководители и простые люди, герой и антигерой), читатель узнает о негативных социальных процессах, губительной рыночной психологии эпохи перестройки, о причинах духовно-нравственного обнищания людей. Например, Ямбулатов размышляет о равнодушии людей (несобственно-прямая речь): ...*Кызытше мo тугай? Кызытсе илышыже? Ниг□лан нимо ок к□л. Ниг□н вуйге-почге илыш ло□г, пурмыжко ок шу* [с. 39] (...Что сейчас-то? Современная жизнь? Никому ничего не надо. Никому не хочется полностью входить в гущу жизни). О безответственности руководителей и о разрушенном хозяйстве (несобственно-прямая речь): *Изиракыштынат, кугуракыштынат пашалан вуйын шогымышт ок шижалт. Нунылан пашазышт деч изиш кугурак оксам пуат да тетла нимом сайын огыт йод* [с. 40] (Не чувствуется радение за дело ни у руководителей, ни у подчиненных. Дадут им денег чуть больше, чем работникам, и теперь ничего хорошо не спрашивают); *Күш от ончал – эре ыштен шуктыдымо оралте, толымо техника, т□рл□ вере шала кийылтше оборудований* [с. 40] (Куда ни глянь – везде недострой, разбитая техника, разбросанное кругом оборудование). Ямбулатов ставит вопрос и о том, кто виноват во всеобщей разрухе, равнодушии и торгаществе, воцарившихся в новую эпоху (несобственно-прямая речь): *Тыште вара к□ титакан? К□? Ала вара тиде кугу п□лемыште шинчыше е□-влак?* <...> молан нуно огыл, районым нуно вуйлататыс. Нуно калыкын □шанле е□ышт улытыс. <...> Калыкын? <...> Ала нунын огыл? Ала партийын? Очыни, партийын. Вет тудо ончылно [с. 40] (И кто же здесь виноват? Кто? Может, сидящие в этом большом кабинете люди? <...> А почему не они, они же руководят районом? Ведь они же доверенные лица народа. <...> Народа? <...> Может, не народа? Может, партии? Наверное, партии. Ведь она впереди). В романе представлены многочисленные размышления Ямбулатова о том, как систематизировать, оптимизировать и направить в сторону народных интересов работу райпо; они обильно представлены в диалоге Ямбулатова и корреспондента Ильи Ильича.

Конкретным средоточием негативных изменений в обществе является в романе Озаев, в образе которого Бердинский представляет бездушного хозяина мира, взращенного

перестроечной эпохой товарного дефицита, занятого идеей безмерного обогащения, оторванного от людей и безразличного к их судьбам [см. об этом: 15, с. 226]. С авторским разоблачением именно такого социально-психологического типа личности связан слоган «Тый – мылам, мый – тылат» («Ты – мне, я – тебе»), вынесенный в название романа, имеющий символический смысл, обобщающий характер изображаемой эпохи. Психологические куски текста либо предваряют внешние столкновения Ямбулатова с Озаевым, либо следуют за ними как анализ действий оппонентов или своих собственных планов и дел, направленных на общее благо; они передают либо сомнения главного персонажа, либо его твердые нравственно-этические установки – в обоих случаях они призваны возвысить его в глазах автора и читателей.

Центральная сцена с точки зрения закрепления в событийном сюжете конфликта Ямбулатова с Озаевым и всей системой ненормальных отношений, сложившихся в перестроечную эпоху, а в психологическом сюжете рефлексирующей роли положительного персонажа – это разоблачение виновников ЧП со стиральной машиной. В ней важнейшее концептуальное значение приобретает несобственно-прямая речь Ямбулатова, в которой даны его размышления о нравственных бедах общества, о современном боде (дефиците) и главном его принципе, разворачивающем людей – снизу доверху, а также сформулированы философские составляющие мировоззрения Ямбулатова и самого автора, не принимающих дух торгащества и неуважения к людям: ...
*вургем мушмо машина – дефицит. Мутшат ала-мо тугай: ни рушла сайын ок шокто, ни марла. <...> Шомакше лач сату сиыдыым гына ок ончыкто шол. Дефицит – тиде шкеж дек шупшшо йыжыдан корно... Южгунам моткоч күлешан згар кава гыч чөлешт волымыла толеш. Садлан саде кавасе тулар-тулачым мондаш намысын чучеш. Икманаш, нунымат ит мондо, тыгак вашеште: «Тый – мылам, мый – тылат». <...> Мутат уке, тыгайым чыташ йөсө. <...> Ямбулатов изинекак чылажымат шке кидше дene ыштен тунемын, киндершинчалын акшым сайын пала. Вет ялыште шочын-кушкын, кресанык ешиште. Садланак ала-мо еңиным пагален моштышо, чыла пашам күштылго йен дene ворадара тунемдыме. Такше туда дефицитын мо тугайжым умыла, таче гына шочын вочшо оғыл. Но тудлан тиде корно пүтирак амырчыкын чучеш. Тый пүйт айдеме отыл, а ала-могай шокшыдал. Нимом ыштен моштыдымо, чыла деч лодшо, коля чонан. А тиде корныш коштшо ең шженжым чыла кертшылан шотла, курыкым савырен кертам, шона[с. 89] (...
стиральная машина – дефицит. И слово-то какое: ни по-русски не звучит, ни по-марийски. <...> Слово-то, видать, обозначает не только нехватку товаров. Дефицит – это манящая к себе многоколенчатая дорога... Иногда очень нужная вещь как будто с неба падает. Поэтому кажется стыдным забывать небесных свата и сваху. Одним словом, не забывай и их, также ответь: «Ты – мне, я – тебе». <...> Безусловно, такое трудно выдержать. <...> Ямбулатов с детства привык все делать своими руками, хорошо знает цену хлеба-соли. Ведь родился и вырос в деревне, в крестьянской семье. Может, поэтому умеет ценить чужое, не научен искать во всех делах лёгких путей. Вообще-то он понимает, что такое дефицит, не сегодня родился. Но эта дорога ему кажется слишком грязной. Будто ты не человек, а какой-то старый лапоть. Ничего не умеющий делать, всего боящийся, с мышиной душой. А тот, кто ходит по этой дороге, считает себя всесильным, думает, что может горы свернуть).*

Как прием психологической характеристики персонажа значительное место у Бердинского занимают не только внутренний монолог и несобственно-прямая речь, но и **художественные детали** – как внешние в роли психологических (речь идет о контекстуальном превращении в психологическую пейзажной, портретной или вещной деталей, выражаящих те или иные душевые движения), так и собственно психологические, присутствующие в романе двух видах. С первым видом связаны

внутренние жесты – детали как составляющие «приема умолчания» или «невербального диалога»: действия и явления кинесики – «жесты, элементы мимики и пантомимы» [10, с. 296] (Л. В. Чернец), а в невербальном диалоге «еще и паралингвистические элементы, как то: смех, плач, темп речи и прочее» [10, с. 296. Курсив автора цитируемого нами высказывания. – Р. К.] (Л. В. Чернец). Такую деталь в литературной науке условно определяют как косвенную форму психологической детали (И. В. Страхов), либо как «внешние проявления внутренней жизни героя (мимика, пластика, жестикуляция, речь на слушателя, физиологические изменения и т. п.)» [11, с. 34], либо как «детали динамического портрета персонажа» [10, с. 296]. Второй вид – собственно психологическая деталь, соотносимая с суммарно-обозначающей формой психологического изображения, при которой о мыслях и чувствах персонажа сообщается с помощью прямого называния того, что происходит во внутреннем мире персонажа (по А.П. Скафтымову, «вербальное обозначение чувства») [18, с. 302].

Полагаясь на эти теоретические установки, рассмотрим несколько примеров художественных деталей в психологической функции в романе «Ты – мне, я – тебе» с их проекцией в семантику характеров персонажей.

Молодой комсомольский районный лидер Ямбулатов, вызванный к секретарю райкома партии, – испытывает волнение, смущение, переживает в ожидании неизвестного (новой грани отношения к нему со стороны Ивана Матвеевича, какого-то предложения): *Пётр Кузьмич вашталт кайыш, ала-мом шижшила чевергale* [с. 23] (Пётр Кузьмич **покраснел**, как будто что-то почуял); *Иван Матвеевич <...> ончалтышыжым адак рвезе Өмбак кусарыш <...>*. Самырык е□ тыгай ончалтышым се□аш т□чиш – ыш кервүйжо сакалте

[с. 23] (Иван Матвеевич <...> снова перевел взгляд на парня <...>. Молодой человек попытался справиться с таким взглядом – не смог, потупил [букв. повесил. – Р. А.] голову); *Пётр Кузьмич нимом шоналтен ыш шукто, лач, ала-мом шижшила, юрт лийын кайыш*. Таче тиде п□лемыште умшажым первый гана почын, а моткочак шуко кутырымыла чучеш. Теве эсогыл **умша кошкен**, н□рташат уто оғыл. Ончалтышыже изи □стембалсе график Өмбак возо, шиждеақш□вылв□дшим нелес [с. 24] (Пётр Кузьмич не успел ничего подумать, как испугался, словно что-то почуял. Сегодня в этом кабинете первый раз открыл рот, но, кажется, словно очень много говорил. Вот даже во рту пересохло, не лишним было бы помочить. Его взгляд упал на график на столе, бессознательно глотнул слюну).

Первая реакция Ямбулатова на предложение Ивана Матвеевича стать председателем райпо выражена автором на паралингвистическом уровне: ...**кокыралтыш** Пётр Кузьмич [с. 25] (...покашлял Пётр Кузьмич). В этой детали сложная психологическая гамма: и растерянность, и удивление, а также неуверенность (Пётр Кузьмич далее намекнет на отсутствие у него всей полноты знаний о работе) и одновременно ощущение какой-то собственной значимости (деталь следует после слов Шабалина о том, что он верит в него и что у него все получится).

В свою очередь, доброе расположение, внимание секретаря райкома партии к молодому активисту также передается с помощью психологических деталей, главных образом, портретных в роли психологических и внутренних жестов: *А тиде гана Иван Матвеевич Шабалин тудын ваштарешыже шыргыжал только, лопка пушкидо кидшим рвезе е□лан шуялтыш, шокшын кормыжтыш*. Вара, **волгыдо шинчаж дene** Ямбулатовын ончалтышышыже т□кнен, □стелт□рыс□ п□кенем ончыктыш, шинчаш й[одо23] (А на этот раз Иван Матвеевич Шабалин подошел к нему навстречу улыбаясь, протянул парню свою

широкую мягкую руку, тепло пожал. Затем, столкнувшись своим светлым взглядом с глазами Ямбулатова, указал на стул около стола, попросил присесть); ...чока чурийыште **шыргыжмаш пале ылыже**, самырык е□ымт□тын ончен мане... [с. 25] (...на широком [букв . плотном, массивном. – Р. А .] обозначилась улыбка, внимательно всматриваясь в молодого человека, сказал...).

А недоумение, непонимание секретарем райкома сомнений подчиненного по предложенной им должности передается с помощью деталей приема умолчания: **Пётр Кузьмич Ямбулатов пелештен моштыдымо лийын шинче, пүйтө п□кеныш пудалалте** [с. 25] (Пётр Кузьмич Ямбулатов потерял дар речи, будто пригвоздили его к стулу).

Психологические детали весьма важны в контексте внутренней динамики персонажа, они вписаны автором в описание манеры его поведения, коммуникативных отношений. В качестве примера приведем сцену общения Ямбулатова с руководителем кафе «Встреча»: – **Тазеша Гитуевич, озанлыкетым ончыкто, – пеле строгын, пеле шыргыжалын** мане Пётр Кузьмич [с. 29] (– Тазеша Гитуевич, покажи свое хозяйство – наполовину строго, наполовину улыбаясь, сказал Пётр Кузьмич). Автор указывает на рост молодого руководителя, набирающего опыта профессионального общения, меняющегося под влиянием встреч с людьми, понимающего и исправляющего свои ошибки. Это сцена, в которой есть место не только строгости, но и улыбке, заметно отличается от сцены встречи (по сути, «облома» только что назначенного нового руководителя) с самоуверенным начальником автоколонны Костиным, прямо, но подобруму подавшим ему урок жизни: Ямбулатов вёл себя слишком сурово, неприветливо и даже неблагодарно. Такая психологическая подоплека поведения персонажа также передавалась с помощью психологических деталей: **вашеш ыш шыргыжал, ышат пелеште** [с. 25] – в ответ даже не улыбнулся, промолчал (портретная и в составе умолчания); Ямбулатов **са□гам күптыртыш** [с. 25] – Ямбулатов сморщил лоб (портретная, близкая к внутреннему жесту). А доброе, при всей внешней иронии и начальственности поведения, отношение Костина к Ямбулатову передается не только с помощью портретных (шыргыжале), но и собственно-психологических (лыжган каласыш) деталей.

Сильные переживания Ямбулатова по поводу предстоящих дел, его планов, настоятельное желание решить волнующую его проблему, внутренняя сосредоточенность на ней большей частью передаются в романе с помощью внутренних жестов: **Райло председатель эшеат йол □мбалнө □стел воктене ты□ге-ту□ге коштедыш,vara верышкыже шинче**, шке заместитель же □мбакт□тын ончале [с. 33] (Председатель райло все ещё на ногах, туда-сюда походил около стола, затем сел на свое место, внимательно посмотрел на своего заместителя).

Внутренние жесты часто даются в сочетании с описательными деталями в роли психологических или собственно-психологических деталями, которые большей частью конструируются автором из экспрессивной лексики или тропов: **Пётр Кузьмич верже гыч тарваныш, п□лем мучко коштын савырныш.** Йол йымалне эсогыл **к□вар л□□галтө** ик vere **йы□ысен кочыртатыш, чонышко козыран керилте** [с. 26] (Пётр Кузьмич дёрнулся с места, прошелся по всему кабинету. Даже под ногами пол качнулся, а в одном месте скрипнул застонав, жёстко [букв . шероховато. – Р. А .] врезалось в сердце). В данном фрагменте автор мастерски пользуется вещными деталями в психологической функции (эсогыл **к□вар л□□галтө** ик vere **йы□ысен кочыртатыш**) и прямым обозначением чувства (**чонышко козыран керилте**). Интенсивность и сила переживаний персонажа в этих случаях достигается за счет метафоризации, используемой в деталях.

Вещные детали в психологической функции вкупе с внутренними жестами встречаются на всем протяжении романного повествования, в некоторых случаях явно преобладая, например, в сцене разговора Ямбулатова с его заместителем по поводу плохой работы магазина и «казуса» со стиральной машиной. Они заметно усиливают психологическую составляющую ситуации – крайнее недовольство и возмущение председателя райпо: *Райпо председатель ыш чыте – сигарет атым руалтыш* (Председатель райпо не выдержал – схватился за пепельницу); *Пётр Кузьмич пәкен эңертышым мұрықтен колтыш* [с. 80] (Сильно заскрипела спинка стула Петра Кузьмича [букв. Пётр Кузьмич заставил запеть спинку стула. – Р. А.]).

В случае с более «приглушенными» эмоциями персонажа, например, недоумением и удивлением, Бердинский обращается чаще всего к сочетанию портретной, собственно-психологической деталей и внутреннего жеста (мимики): *Ямбулатов, вачым туртыктен, нимом умылыде, чылаштымат ончал колтыш* [с. 83] (Ямбулатов, пожав плечами, ничего не понимая, всех окинул взором).

В романе масса сугубо психологических сцен, связанных с образом главного персонажа и построенных на множестве разнообразных деталей. Одна из таких сцен – это сцена общения Ямбулатова с пришедшей к нему в кабинет старшим товароведом райпо Людмилой Ушаковой. Эта сцена содержит в себе элементы внутренней борьбы персонажа: с одной стороны, рефлекторная реакция мужчины на красивую женщину (*Волғыдо, күгу шинчаш тәкнен, чонжо пүйто шогале, туртыналт колтыш* [с. 36] (Натолкнувшись на светлые, большие глаза, сердце будто остановилось, скжалось); *Пётр Кузьмичын ыйкш қыымрак лектең онжо пырталтым шижылалтыш* [с. 36] (Голос Петра Кузьмича получился принужденным, почувствовал сердцебиение); *Пётр Кузьмичын ушыжко икмияр жаплан пүйто түндалте, чонжо вурғыжалтыш. Икмияр жап тарваныде шинчыш...* [с. 37] (Разум Петра Кузьмича на какое-то время будто помутился [букв. напрягся. – Р. К.], душа огорчилась. Некоторое время сидел неподвижно...); с другой стороны, желание управлять собой (...*самырык пәрье шке шонымыжлан пентыдын руале* [с. 37]) (...молодой мужчина твёрдо обрубил свои мысли). Женский персонаж в этой сцене представлен, вообще, минимумом речи, почти вся фактура образа – это движения героини и портретные детали, передающие ее волнение и ощущение неловкости: ...*пырдыж воктенсе пәкеныш шинче, вожылалме гай лие*. Тидыже йыргешке шөргывылышиште вигак палдырныш. Адакше йошкар помаде дene четвертыме оваргалше тәрвых ончыко шуйналте күжу пунан *шинчаже пыч-пыч лиийилдале* [с. 36] (...сидела на стуле возле стены, как будто стеснялась. Это сразу отметилось на ее круглом лице. И распухшие ее губы, накрашенные красной помадой, вдруг вытянулись вперед, глаза с длинными ресницами заморгали); ...*Люда түкныш, ала-могай алгаштарыше шомакым пешак каласынеже ыле, чытыш, шыргыжал колтен, қынел шогале* [с. 37] (...Люда остановила себя [букв. споткнулась. – Р. К.], хотела сказать какие-то обольщающие слова, стерпела, улыбнувшись, встала).

Подобным же образом построена сцена разоблачения Озаева в махинации, связанной с продажей и возвратом стиральной машины; с помощью деталей в психологической функции мастерски раскрывается не только состояние Ямбулатова и Озаева (главных участников события), но и второстепенных персонажей, в частности, напуганных продавцов, пытавшихся поначалу скрыть реальные обстоятельства, а затем вынужденных во всем признаться и назвать реальных мошенников.

Именно благодаря использованию психологических деталей получает психологическую мотивировку в романе Бердинского образ антигероя Озаева. При этом психологическая деталь часто становится еще и мощным характерологическим средством: *Пётр Кузьмич*

ончалтышыжым Озаев вельш виктарыш. Ыш умыло – тудыжо мом шона? А Озаев верже гыч тарваныш, кынервуйжо дене Әстембак әңертен шинче, вара кокыралтыме шотым ыштыш [с. 32] (Пётр Кузьмич направил свой взгляд на Озаева. Не понял – он-то что думает? А Озаев тронулся с места, сел, опервшись локтями за стол, затем изобразил кашель). Все детали в данном фрагменте (верже гыч тарваныш, кынервуйжо дене Әстембак әңертен шинче, вара кокыралтыме шотым ыштыш) свидетельствуют не только о внутреннем напряжении и несогласии Озаева с его руководителем, но и о таких чертах его характера, как хитрость, лживость и лицемерие. Автор неслучайно здесь и в дальнейшем повествовании постоянно акцентирует внимание читателя на такой важной детали, как попытка избежать прямого (с глазу на глаз) общения с собеседником. Он постоянно отводит от него глаза: Пётр Кузьмич Озаевым юлт ончал колтыш. Тудыжо **вуйым савырале** ... [с. 33] (Пётр Кузьмич неожиданно взглянул на Озаева. Он же повернул голову в сторону...).

В отдельных случаях на коварные и тайные мысли и планы Озаева (при внешнем его согласии с собеседником) автор указывает с помощью собственно-психологических деталей типа: *Озаев чонжо дене куанен шыргыжале*, но тұжвал тұсшұ дене ы палдаре, шомакым вигак вес вельш лупшале [с. 34] (Озаев в душе радостно улыбнулся, но не показал внешне, разговор сразу перевел в другую сторону). В романе много раз обращается внимание на полуулыбку Озаева, на искусственность улыбки, на изображение им улыбки (*шыргыжалме шотым ыштыш* [с. 80] – изобразил похожее на улыбку), таким образом автор подчеркивает неискренность, скрытность, двуличность (несоответствие внешней и внутренней жизни) персонажа. Обратимся к передаваемому с помощью собственно-психологических деталей лицемерному поведению Озаева при проверке магазинного склада (он пытается скрыть махинации, к которым, как оказалось, и он причастен; его переполняет чувство злости и недовольства): Тудо чылашланат пешак **сырен** гынат, тидым тұжвак ок лук, шкенжымтыматлын куча [с. 84] (Он сильно зол на всех, но не выпускает это наружу, держится спокойно); Озаев вачым туртыктыш. Шинчаштыже **шыде тул** койо гынат, **семинже шыргыжалашат тұчыш** [с. 84] (Озаев скжал плечи. Несмотря на то, что в его глазах обозначились злые огоньки, в глазах, попытался про себя даже улыбнуться).

Автор меньше, чем при создании образа главного (положительного) героя, прибегает при создании этого образа к внутреннему монологу, чаще всего к короткому (например, в сценах, когда он про себя надсмеивается над людьми), или к несобственно-прямой речи. Главным образом, он пользуется ими для передачи ненависти Озаева к людям: Эшеже төве тиde шоғо карта толын шинчинат, озалана, кугу тумам тарваташ ямдыла коеш. Ала-мо көлеш лийын, витне. Чылалан көлеш, чылалан! Пел йолышт дене шоғарь тошкалышт самырык кашак деч шуко сатум налнешт. Тидым пу, тудым! Шкаланышт налтыт мо дефицит сатум нине карта-шамыч? Эрге-әдірыштлан, шешке-вештлан. Вот и ситаре нунылан – сут, темдыме кашаклан! [с. 42] (Еще и вот этот старый хрыч явился, хозяиничает, похоже, готовит большой раздор. Что-то понадобилось, видимо. Всем нужно, всем! Те, кто одной ногой стоит в могиле, хотят у молодых [букв. толпы молодежи. – Р. А.] отнять больше товаров. Это дай, то! Разве себе берут этот дефицитный товар эти недотёпы? Сыновьям-дочерям, снохам-зятьям. Вот и обеспечивай их – жадную, ненасытную толпу!).

Злость Озаева постоянно подчеркивается автором и с помощью собственно-психологических деталей. Злость и ненависть к людям представлены как постоянная и умело маскируемая доминанта внутреннего состояния Озаева: *Вараже **шыдыжe** лектын шуо...* [с. 196] (Затем проснулась его злость); *Озаевын **шыдыжe** чотак лекте* [с. 239]

(Озаев сильно обозлился). Они усиливаются в нем с каждым новым разоблачением его нечестной профессиональной деятельности и, видимо, неискоренимы. Последнее подчеркивается новым психологическим приемом, увязываемым с мотивом двойничества. В Озаеве, только что получившем строгий выговор от партийного райкома за недобросовестную работу в райпо, спорят в нем два «субъекта». В споре души (*Чонжо*), призывающей к благоразумию и саморефлексии, и голоса (*Йүкшö*) побеждает голос, то есть реальный Озаев, самодовольный и в глубине души презирающий всех мошенник. И даже после вызова в прокуратуру (за приписки) он по-прежнему верен принципу – своему и перестроичному времени: *Закон – закон шот дене, а мый тылат...* [с. 245] (Закон – по закону, а я тебе...). Так отвечает Озаев своему двойнику на его предупреждающее замечание: *Ок лий, закон тыге ок кшт* [с. 245] (Нельзя, закон запрещает).

Всё это не позволяет нам согласиться с утверждением В. Т. Михайлова о том, что в конце романа намечены элементы позитивной эволюции Озаева, правда, продолжения этой линии социального поведения, которую автор хотел представить во второй книге романа, автор не увидел в самой жизни и потому, по мнению исследователя, не приступил к ее написанию [\[6, с. 226\]](#).

По нашему мнению, даже трагический случай, данный в finale произведения, не избавил Ораева от бесчеловечности, эгоизма и жажды власти над людьми и миром. Все сцены грубого и пьяного поведения Озаева в конце романа содержат авторское презрение к персонажу и убеждают читателя в невозможности его прозрения. Злая сила, по авторской концепции, отличается уникальной живучестью: пьяного Озаева, уже почти утонувшего в весеннем пруду, с еще не растаявшим льдом, спасают два молодых друга, воспитанных на принципах человечности, диаметрально противоположных тем, которым следовал в своей жизни Озаев (...*еым серыш лукташ кшлеш*[с. 282] –... человека надо вытащить на берег); *Вет айдемым утарен кодаш чылажымат ыштыман* [с. 283] – Ведь для спасения человека нужно сделать всё возможное); а один из них – простодушный Эрик, узнав в утопающем своего дядю, надеется, заполучив от него поддержку, наконец-то приобрести долгожданный мотоцикл (эти мысли Эрика переданы через его внутренний монолог и несобственно-прямую речь). Таким образом, автор возвращает читателя к заглавию романа, выражавшего бесчеловечный принцип взаимоотношений, утвердившийся в перестроичную эпоху. Авторское замечание о мечте Эрика, соотносимое с символическим заглавием романа, вкупе с унылыми пейзажными деталями (*Уремыште юалге, но кылмыктен огыл. Каваште пыл виян иеш.* <...> *Тыгодым жаплан лекше тылзе шем пыл шелек шыле, роп пычкемышалте* Шукат ыш лий, **ночко лум йогаш топале** *Тудо койын оварыш, оптырапе* Чошаталаште почылтшо, *шошо юж дене шалтыше мланде угычола-вула посто дене леведалте* [с. 285] – На улице прохладно, но не морозно. В небе быстро плывут облака. <...> При этом на время показавшаяся луна спряталась за черной тучей, резко стемнело. Прошло немного времени, и стал падать мокрый снег. Он заметно разбух и завалил всё вокруг. Открывшаяся на холмах и задышавшая весенним воздухом земля снова покрылась пятнистым сукном), уже не оставляет места для авторского оптимизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, психологизм можно определить как стилевую доминанту романа Бердинского «Ты – мне, я – тебе». В произведении марийского писателя он мощно проявляет себя на сюжетном и персонажном уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений. Важнейшим средством реализации

психологического сюжета (внутренняя жизнь персонажа, ее динамика) становятся внутренний монолог и несобственно-прямая речь. Несобственно-прямая речь персонажа как прием психологизма, выражая активное сближение позиции автора и главного персонажа, безусловно, способствует раскрытию авторских идейно-смысловых установок в романе. Среди средств психологической характеристики персонажа в романе Бердинского доминирующую роль играет психологическая деталь (как внешняя в роли психологической, так и собственно психологическая).

Библиография

1. Бердинский В. Н. Все мы люди: рассказы. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2018. – 384 с.
2. Бердинский В. Н. Гость: рассказы. – Сернур: 000 «Формат», 2009. – 143 с.
3. Бердинский В. Н. Евдокия: рассказы / пер. на рус. Н. Бердинской, А. Спиридонова. – Киров, 2008. – 256 с.
4. Бердинский В. Н. Игем-шамыч: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2010. – 432 с.
5. Бердинский В. Н. Колча: ойлымаш-влак. – Советск: «Вести трехречья» издательский дом, 2004. – 144 с.
6. Бердинский В. Н. Кресава: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. – 128 с.
7. Бердинский В. Н. Мардеж шүшка: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. – 192 с.
8. Бердинский В. Н. Ови: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2001. – 80 с.
9. Бердинский В. Н. Тый – мылам, мый – тылат: роман. Икымше книга. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. – 286 с.
10. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.
11. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
12. Калашникова Л. В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции): монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2022. – 180 с.
13. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011. – 324 с.
14. Кудрявцева Р. А. Деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексеева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета: научный журнал. – 2009. – № 5. – С. 61–66.
15. Михайлов В. Т. В. Бердинскийын «Тый – мылам, мый – тылат» романже: теме, проблематике, образ ситееме // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе: материалы VII республ. науч.-практ. конференции «Йыван Кырла лудмаш», посв. 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / МарНИИЯЛИ; отв. ред. С. К. Свечников. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 219–227.
16. Михайлов В. Т. Кызытсе марий прозо: монографий очерк. – Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пёрт, 2022. – 479 с.
17. Рябинина М. В. Марийская повесть второй половины XX века: поэтика

- психологизма: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2016. – 183 с.
18. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю.Н. Борисов. – М.: Высш. шк., 2007. – 535 с.
19. Яндулова Н. «Книгам возымаш – мыыын хобби гай», – ойла «Тый – мылам, мый – тылат» романын авторжо Валерий Бердинский // Кугарня. – 1994. – 11 нояб.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения как особенностей поэтики в целом, так и специфики художественного произведения современного прозаика, относящегося к народам Российской Федерации и творящего на одном из языков нашей страны. Отметим, что исследования подобной проблематики довольно редки. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики, так как поэтика психологизма изучалась ранее только на материале коротких рассказов писателя.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Однако, автор не указывает объем языковой выборки и принципы отбора материала для анализа. Так, теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на марийском языке в авторском (?) переводе на русский язык или были взяты параллельные тексты на русском языке. Ссылка технически оформлена неверно. В исследовании автор не приводит информации об объеме языкового корпуса, отобранного для исследования.

В тексте статьи есть неверные формулировки, например, «сюжетном и персонажном уровнях текста» - таких уровней текста в филологических науках нет.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не субъективное авторское видение.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Упоминание в библиографии учебника (10) не демонстрирует высокий научный уровень

автора и его осведомленность в рассматриваемой проблематике.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной литературе. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.